

0 9 2 4 9 0 0 -1

**Чувашский государственный университет
им. И.Н.Ульянова**

На правах рукописи

КАРИМОВ АРТУР РАВИЛЕВИЧ

**ОБОСНОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
И РОЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

09.00.01 – онтология и теория познания

АБТОРЕФЕРАТ

***диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук***

Чебоксары 2001

Работа выполнена на кафедре философии Казанского
государственного педагогического университета

Научный руководитель –
доктор философских наук, профессор Табеева Т.А.

Научный консультант –
доктор философских наук, профессор Фетисов С.З.

Официальные оппоненты –
доктор философских наук, профессор Меньшиков Г.Н.
кандидат философских наук, доцент Михайлов С.А.

Ведущая организация—Казанский государственный
университет

Защита состоится «28» декабря 2001г. в 14 часов на заседании
специализированного совета № Д21230104 по защите диссертаций на
соискание ученой степени кандидата философских наук в Чувашском
государственном университете по адресу: 428001, г. Чебоксары, ул.
Университетская, 38а.

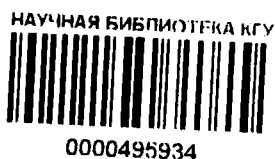
С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале
библиотеки Чувашского государственного университета.

Автореферат разослан «27» декабря 2001г.

Ученый секретарь

Специализированного совета,

доцент

..... 01.11.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

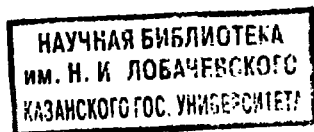
Актуальность исследования. Интерес к проблеме представления в философии можно считать традиционным. С течением времени этот интерес то затухал, то разгорался. К двадцатому веку философия подошла с рефлексивной установкой, которая в рамках рационального познания чуть ли не снимала проблему представления с повестки дня. Традиционно проблема представления привлекала постоянное внимание со стороны различных материалистических школ. В рамках материализма проблема репрезентации формулировалась как часть вопроса о природе идеального. Несмотря на различие в подходах, материалистические школы на Западе, которые стали возникать в двадцатом веке под влиянием бурного роста естествознания, прежде всего, психологии и физиологии, а также материалистическое направление советской философии, в котором разрабатывались традиции диалектического материализма, - имели общее стремление - укоренить в философской науке возможность идеальной презентации предметов внешнего мира.

Именно во второй половине двадцатого века и, скорее, в последней его четверти возникли бурные дискуссии о природе и способе репрезентации, которые не прекращаются до сих пор. Особую актуальность этим спорам придает тот факт, что стремительно развивающиеся естественные науки о сознании, такие как физиология, когнитивная психология, кибернетика - бросают вызов философии и претендуют на способность с помощью новейших исследований в области физиологии мозга, искусственного интеллекта и т.п., решить за философию те проблемы, над которыми она мучилась в течение многих веков. Принимая этот вызов, философы, которые специально занимались проблемой репрезентации и называли себя «репрезентационистами», предложили множество различных концепций репрезентации. Многие исследования в этой сфере появились только в последнее десятилетие и даже не успели еще стать достоянием широкой философской общественности. Открытое соперничество философов, с одной стороны, и психологов и физиологов, с другой сто-

роны, в стремлении решить проблему идеальной репрезентации, по нашему мнению, приносит большую пользу, так как при этом происходит их взаимное обогащение: философы не могут игнорировать результаты эмпирических исследований в сфере естественной науки, а ученые психологи и физиологи учатся обретать в познании более высокую перспективу.

На наш взгляд, такое взаимодействие со стороны философов иногда заходит слишком далеко. В целом ряде случаев оно означает игнорирование или даже утрату такой характеристики репрезентативности как идеальность, вплоть до того, что говорят о представлениях у растений, калькуляторов и т.п. По нашему мнению, это недопустимо. В этой ситуации возникает особая необходимость заново эксплицировать понятие репрезентации, очистить его от несвойственных ему значений. Поскольку исследования в этой сфере велись преимущественно эмпирическими методами, то существует необходимость пересмотра и способов решения этой проблемы. Несмотря на громадное обилие литературы по проблеме репрезентации, не хватает фундаментальных разработок, которые, не вдаваясь в частности, адресовали бы свое внимание к сущности проблемы. Это, в свою очередь, по нашему мнению, требует возвращения перспективного взгляда, который невозможен без соответствующего анализа той философской традиции, в которой выкристаллизовывалось понятие представления. В настоящее время это ощущается многими философами. Так, например, в философию сознания вернулось брентановское понятие интенциональности. Насколько это было правоммерным? Если и существует необходимость обращения к философской традиции, то к какой именно целесообразнее это сделать? Все это актуальные вопросы современных дискуссий вокруг проблемы представления.

К сожалению, в советской философии, несмотря на ее богатые традиции, проблема представления в какой-то момент исчезла из виду. Начавшиеся было в семидесятых годах дискуссии о природе «идеального» постепенно угасли, так и не принеся никаких резуль-

татов, кроме осознания бесплодности обсуждения этой проблемы в рамках тех предпосылок, которые задавала диалектико-материалистическая философия. У нас стали появляться отдельные исследования в области психологии восприятия, дискуссии вокруг возможности редукции идеального к различным функциональным процессам в рамках когнитивно-психологического подхода, которые в той или иной мере адресуют свое внимание к проблеме представления. В своих исследованиях философы в этом вопросе теперь в большей степени ориентируются на западные традиции, однако часто они обнаруживают стремление быть «большими роялистами, чем сам король», и впадают в крайний эмпиризм. Поэтому для нашей философии еще настоятельнее выглядит необходимость возвращения дискуссий вокруг представления к рассмотрению проблем, связанных с сущностью этой познавательной способности, обретение ею своего места в общей структуре познавательной активности сознания.

Степень разработанности проблемы. Специфика проблемы представления заключается в том, что к ней на разных этапах, в разных контекстах, с разных мировоззренческих установок в той или иной степени обращалось большое количество философов. Возможность представления предметов в сознании входит в круг условий, которые обеспечивают основание для всякого познания, и поэтому категория представления входит в лексикон различных философов в разные эпохи. Тем не менее, в силу ряда причин, которые еще предстоит осмыслить, специальных исследований в области представления существует немного. Несмотря на большой интерес к этой проблеме, философы часто уделяли свое внимание вопросам, которые, в лучшем случае, затрагивают второстепенные аспекты представления, связанные с функционированием его отдельных модусов, и редко подходят к формулировке сущности этого познавательного процесса.

Необходимо среди философов выделить тех, чьи интересы лежали в области экспликации самой возможности существования

представления в сознании. В западной философии к таким исследователям можно причислить тех философов, которые занимались разработкой различных «теорий репрезентации». В традиционных философских концепциях они разрабатывались в рамках различных материалистических школ: Демокрита, Эпикура, Бэкона, Локка. У этих философов исследования проводились средствами эмпирических методов, и поскольку эмпирические науки, на которые они опирались, еще не были развиты, постольку такие исследования не могли получить в них своего подтверждения.

С ростом влияния естественных наук о сознании расширялась эмпирическая база для изучения возможности представления. Эту тенденцию отметили западные философы конца 20-го века, посвятившие свои труды этой проблеме. Они обратились к рассмотрению возможности представления на неидеальной основе. Так как эмпирические исследования не могли дать онтологической базы для обоснования представления, большинство этих философов такую основу находили в интенциональной характеристике сознания.

Среди западных философов, которые исследовали возможность представления, можно назвать тех, чьи философские взгляды обозначаются как репрезентационизм, или, что для большинства западных исследователей синонимично, интенционализм. Среди таких философов выделяются М. Тай, Ф. Дречке, У. Лайкан, Д. Льюис, С. Шумейкер, Д. Розенталь, Д. Армстронг, Н. Блок, Р. Милликан, Р. Каммингс. Значительный интерес представляют работы таких философов, как Г. Анскомб, Т. Бердж, П. Каррутерс, П. Черчленд, Д. Дэвидсон, Р. Дженнаро, Г. Гармани, Е. Хэлли, Дж. Хейл, Т. Хорган, Дж. Ким, Р. Краут, С. Лидс, Т. Нейгел, К. Ниндер, Н. Нелкин, С. Пикок, Г. Рей, Р. Сталнакер, Дж. Томберлин, Е. Вилланува, С. Уайт и др.

Примечательно, что и у философов-идеалистов существуют собственные исследования в области представления: это, прежде всего, феноменологические разыскания Brentano и Husserl (последнему принадлежит специальная типология представлений).

В рамках отечественной философии к исследователям, которые, на наш взгляд, непосредственно занимались проблемой представления, можно отнести тех, кто работал над проблемой «идеального». Это, прежде всего, Э.В. Ильенков, Д.И. Дубровский, Д.В. Пивоваров, И.С. Нарский, В.Ф. Левичев, В.Ф. Щербин, А.В. Булыгин. Феномен идеального рассматривался у таких философов, как В.С. Барулин, Н.И. Жуков, М.А. Лившиц, А.Г. Спиркин и др. Эти философы стремились на материалистической почве обосновать возможность идеальной презентации объектов в сознании. Среди этих исследователей существовали различные подходы к обоснованию подобной возможности: функциональный, деятельностный, информационный и др. Необходимо отметить, что исследования по этой теме относятся, в основном, к семидесятым годам 20-го века. Потом интерес к этой теме постепенно утратился из-за отсутствия определенных результатов, и в последнее десятилетие работы, посвященные этой проблеме, почти не появлялись.

Несмотря на обширную научную литературу, посвященную исследованию феномена представления, до сих пор не существует целостной концепции представления, и нет оснований считать исчерпанной эту тему. Не претендуя на всестороннее освещение означенной проблемы, что является задачей не одного исследования, диссертантом предпринимается попытка внести свой вклад в то, чтобы восполнить некоторые пробелы, что способствовало бы созданию, на более обширном материале, завершенной концепции представления.

Объектом исследования является феномен идеальной репрезентации предметов внешнего мира в сознании человека.

Предмет исследования: основа реализации идеального представления внешних объектов в сознании, роль и место процесса представления в структуре познавательной деятельности человека.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в обосновании:

- 1) возможности представления в сознании предметов внешнего мира;
- 2) основополагающей роли представления в синтезе познавательной функции сознания.

Для достижения поставленных целей в ходе исследования решались следующие задачи:

- 1) установление методологической основы изучения возможности представления в истории философии и выявление ее философских истоков;
- 2) определение принципов обоснования возможности представления в сознании человека предметов внешнего мира;
- 3) выявление и фиксация роли представления в познании в целом;
- 4) определение места представления среди других познавательных способностей в плане обоснования функциональной роли представления в познавательном синтезе.

Методологическая основа исследования. В качестве методологической основы исследования послужили следующие концепции:

- 1) диалектика в аспекте учения о синтезирующей деятельности познания, взаимосвязи и взаимопроникновении всех познавательных способностей;
- 2) трансцендентальная установка И. Канта в аспекте усмотрения определяющей, смыслодающей роли трансцендентальных структур субъекта для познания;
- 3) феноменология Э. Гуссерля с точки зрения его интенционального подхода к сознанию, понимания роли феноменологической редукции в познании;
- 4) онтологическая герменевтика М. Хайдеггера как обоснование изначальной бытийной определенности субъекта познания.

Методы predeterminedены объектом исследования и поставленными задачами:

1) принцип историзма, привлеченный для прослеживания динамики развития понятий о представлении со времен Демокрита до работ по этой проблеме, которые были опубликованы в последнем десятилетии;

2) феноменологический подход к проблематике сознания, который проявляется в установлении самой сущности феномена представления. Феноменологический метод проявляется также в нахождении отдельных модулов представления и их взаимосвязи;

3) герменевтический метод в исследовании способа бытия сознания: специфический способ бытия сознания определяет возможность изначального понимания своего бытия;

4) диалектический метод определения роли представления в общей структуре познавательного процесса: вместе с другими познавательными способностями представление входит в познавательный синтез так, что во взаимопроникновении дает основу для других познавательных процессов и, в свою очередь, определяется ими.

Научная новизна исследования. Диссертант видит научную новизну исследования в том, что 1) предложено онтогносеологическое обоснование самой возможности репрезентации; 2) в рамках феноменологического подхода исследуются сущностные свойства способности представления; 3) в работе предпринято установление области значений термина репрезентация; 4) в исследовании тематизируются работы новейших западных авторов, что позволяет провести единую линию в изучении проблемы, соединяя традицию и новые взгляды; 5) на фоне работ, в которых проблема представления выносятся за собственные рамки, например, в интенциональность, наше исследование позволяет решать традиционную проблему репрезентации при помощи постнеоклассической философии.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1) в рамках концепции о субъект-объектных отношениях, сформулированной еще Декартом, репрезентация лишается в познании своей функциональной роли, что закрывает для сознания выход на внешний предметный мир и замыкает его в сети собственных конструктов;

2) изначальная открытость бытия для сознания в экзистенции вот-бытия (Dasein), понимание бытия, которое не являет собой бытие человека – открывает возможность для представления в сознании сущего, трансцендентного этому сознанию;

3) дефинитивным признаком представления является трансцендирование, которое осуществляется на допредикативном уровне познавательной деятельности;

4) представление в интенциональных модусах восприятия, воспоминания и фантазии не устраняет, но подает основу для трансцендентальной активности сознания, которая, в свою очередь, сообщает определенность, предметный смысл актам представления.

Научно-практическая значимость диссертации. Ее результаты, основные положения могут быть положены в основу для дальнейшей разработки и углубления данной темы. Предложенное обоснование репрезентирующей функции сознания демонстрирует взаимосвязь традиционных материалистических трактовок и тенденций развития западноевропейской философии с Нового времени и до последних десятилетий 20-го века. Более детальное изучение этой взаимосвязи может способствовать решению и других традиционно материалистических проблем. Специфика феноменологического подхода, заложенного в основу диссертационного исследования, может послужить базой для изучения других познавательных способностей. Для достижения этой цели может быть использован опыт данного исследования с точки зрения обоснования выхода феноменологических исследований «за рамки» субъективности индивидуального сознания. Отдельные элементы диссертации, связанные с рассмотрением новейших исследований в области репрезентации,

могли бы помочь философам в процессе их преподавательской деятельности, так как русскоязычной литературы по этой теме на данный момент недостаточно.

Апробация работы. Диссертант выступал с докладом по теме исследования на конференции молодых ученых КГПУ 10 апреля 2000 г. Поставленные проблемы были отражены диссертантом в четырех публикациях. Кроме того, отдельные аспекты диссертационного исследования были использованы автором в его преподавательской деятельности.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, дается общее представление о состоянии разработанности проблем, выдвинутых для анализа и изучения, формулируются цели и задачи исследования, раскрывается научная новизна, тезисы, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость основных результатов, полученных автором.

В первой главе анализируется статус категории репрезентации в номенклатуре современных научных понятий, раскрываются основные подходы к исследованию феномена репрезентации. В главе четыре параграфа: §1 «Категория репрезентации в системе современных научных понятий»; §2 «Понятие идеальной репрезентации в отечественной философии»; §3 «Репрезентация как интенциональность»; §4 «Понятие интенциональности у Э. Гуссерля».

В диссертации отмечается, что в философской литературе на Западе в последнее десятилетие наблюдается настоящий бум вокруг различных теорий репрезентаций. Исследования в этом направлении не могли не учитывать результатов смежных дисциплин, прежде всего физиологии и когнитивной психологии, которые тоже активно развивались в направлении изучения «таинственной» для естествознания проблемы существования идеального в сознании.

Для большинства исследователей, воспитанных на традициях англо-американского эмпиризма и реализма, проблема идеального представлялась чем-то вроде особой области науки, исследовать которую надлежало только им. С гордостью приписывая себе среди других наук эту способность, философия, тем не менее, не игнорировала результаты труда различных эмпирических наук. Конечно, чем шире эмпирическая база любого исследования, его способность опираться на конкретные естественнонаучные факты, тем большую область применения могут найти философы для своих теорий.

По нашему мнению, западная философия, поддавшаяся общей ориентации на науку, часто упускала из виду специфику философской проблематики и ее метода. У отдельных западных исследователей возникали идеи применить традиционные философские категории, которые всегда описывали человеческое сознание, для биологических организмов, или даже для сигнальных систем современных ЭВМ. Так, система передачи сигнала между транзисторами в электронных машинах описывалась в терминах «локализованная репрезентация» (local representation), «дистрибутивная репрезентация» (distributive representation) и т.д. На наш взгляд, это можно назвать не иначе как злоупотреблением традиционными философскими категориями со стороны отдельных исследователей. Репрезентации в философии, даже в ее материалистическом варианте, так, как он, например, представлен, в диалектическом материализме, традиционно придавался идеальный характер, – она только получала материалистическую трактовку. Необходимо осознать смысл ленинской фразы о том, что признать мысль материальной значит сделать уступку идеализму. Если смешать идеальное с материальным, то, тем самым, можно прийти к любым крайностям: от физикализма до спиритуализма.

Заслуга отечественной философской традиции состоит в том, что она изначально отмежевывалась от любых возможных отождествлений идеального с его материальным носителем – мозгом. В этой связи у материалистической философии было три выхода: ассоции-

ровать идеальное с определенными процессами в мозге, но не с самим веществом мозга; определить идеальное в сознании, но не ассоциировать его ни с какими нейрофизиологическими процессами; вывести идеальное за пределы индивидуального сознания и поместить его в коллективное, общественное, объективированное, - которое находит свое выражение в предметно-практической деятельности субъектов познания.

Как оказалось, все эти пути завели проблему представления в тупик, в котором она находится в последние два десятилетия. И действительно, проблема идеального редко поднималась в научных публикациях за указанное время. Первый путь, связанный с аккомодацией идеального в сеть естественнонаучных категорий, описывающих нейрофизиологическую деятельность, и опирающийся на такое разделение как различие субстрата и функции, не далеко уводил от различных теорий тождества, которые он сам же отвергал. Не достаточно определить идеальное как функцию. Нужно еще ответить на вопрос как вообще возможно возникновение такой функции. Поскольку онтологическая база у функционалистов была общая с физикалистами, то они, и это естественно, обращались к особенностям строения мозга, его функции. Но это еще не объясняет, почему такая функция должна быть идеальной. Ведь и физикалисты соглашались с тем, что мозг выполняет определенные функции, в том числе и в познании, так почему же такие функции должны составлять субстанциональную основу для чего-то совершенно отличного от материального вещества мозга, для идеального? И так как скольконибудь обстоятельного ответа на этот вопрос дать не смогли, «функционалисты» не сумели найти собственной онтологической базы, и, следовательно, исследования идеального в этом направлении постепенно стали угасать.

Вторая возможность, связанная со стремлением сохранить идеальное и одновременно не ассоциировать его ни с какой материей мозга, очевидно, вела к дуализму в рамках существующих установок, и довольно быстро была отвергнута.

Наибольшее развитие получила третья тенденция, которая поставила на пьедестал сознания категорию деятельности. Действительно, роль деятельности, активности сознания для познания трудно переоценить. К тому же в советской психологии существовали обширные исследования, посвященные роли деятельности в познании. Как ни странно, но и эта, казалось бы, окончательная версия, несмотря на свое доминирование среди других, определенное время являлась предметом дискуссий, но потом большинство разговоров на эту тему сошли на нет. Думается, что тому были свои причины. Несмотря на то, что категория деятельности имеет давнюю и богатую традицию, особенно в немецкой классической философии, учеными не принимался во внимание тот факт, что категория деятельности вписывалась у немцев в определенную концепцию, где в процессе деятельности выводилось из идеального материальное, а не наоборот. У одних философов таким идеальным субъектом деятельности было Я субъекта, у других Абсолют. Поскольку деятельность фигурировала в рамках идеалистических концепций, то она уже явно или неявно подразумевала определенную теорию идеального, которая не стремилась помирить его с чем-то вещественным или коллективно-духовным. Такой теорией не могли изначально обладать материалисты, поскольку перед ними стояла обратная задача – вывести идеальное из материального. В таком случае возникает вопрос, кому, какому субъекту принадлежит деятельность сознания: человеку, животному, электронной машине? Поскольку такую деятельность материалисты стремились приписать именно общественному человеку, субъекту, который изначально обладает сознанием, каковое направляет и осуществляет познавательную и предметно-практическую деятельность, то сторонники деятельностного подхода в объяснении идеального впадали в круг: им необходимо было иметь заранее определенную теорию сознания, чтобы уже потом на этом фундаменте развивать свое учение о роли деятельности в познании. Поскольку они не обладали такой теорией, подобная трактовка идеального не получала своего обоснования, и, следовательно, и третий путь для

материалистов оказался тупиковым, что и привело к спаду интереса к этой проблеме.

Понятие идеальной презентации в сознании нуждалось в онтологической подпитке, которую оно не могло получить из эмпирических теорий. На наш взгляд, западные исследователи в этом направлении быстрее осознали эту необходимость, что и выразилось в инкорпорировании концепции интенциональности в теории репрезентации. Как известно, категория интенциональности, интенции как направленности сознания на объект использовалась для его характеристики еще схоластами, а в новейшее время честь введения ее в философский обиход принадлежит Ф. Brentano. На наш взгляд, само обращение к философской традиции можно считать полезной находкой для современных западных философов, которые большей частью ориентированы только на науку. Но возникает вопрос: насколько обращение именно к этой философской традиции можно считать оправданным? Думается, что интенциональность не только не решает проблемы репрезентации, но и сама как бы находится в том же положении, что и последняя – ей не хватает онтологического фундамента. Чтобы направленность могла осуществлять свое стремление выйти на объект, она должна с противоположной стороны, со стороны объекта уже находить определенную готовность открыться для нее, показать себя для сознания. Но этим не исчерпывается ошибочность подхода, который считает интенциональность основой для обоснования репрезентации.

Склонность в западной литературе отождествлять эти понятия кажется нам не вполне правомерной. Эти понятия отнюдь не тождественны, и когда, например, У. Лайкан говорит, что сознание имеет нечто в качестве своего интенционального объекта только, если оно представляет этот объект, то это по сути правильно, и в нашем исследовании мы пытались доказать это, но ведь «репрезентационисты» обосновывают понятие представления с помощью интенциональности, а не наоборот. Однако интенциональность, как таковая, отличается от представления тем, что ей не важен объект в его бы-

тии, она констатирует общую направленность сознания на нечто и определяет интенциональные модусы этой направленности: страх, желание, воспоминание, фантазия и т.п. Напротив, в самом понятии репрезентации неявно заложен «объективирующий» компонент, - это проявляется в том, что именно в материалистической традиции представление первоначально получило свое объяснение и развитие. Поскольку в руках материалистов ему не нашлось соответствующего онтологического обоснования, это понятие, будучи внешним, посторонним образом включено в подобные концепции, получило отрицательную репутацию. В отмеченной традиции оставалось непонятным, как в рамках субъект-объектного отношения в познании сознание и предмет находят друг друга. Чаше получалось таким образом: сначала устанавливался субстанциональный состав мира, потом в этом бездушном и холодном мире находилось место для биологического вида человек, и, наконец, в результате появлялось идеальное содержание сознания, которое направлено на объекты внешнего мира.

Все то же самое материалистически ориентированные философы на Западе проделали и с категорией интенциональности. Мы видим нашу задачу в том, чтобы вернуть исконное значение и интенциональности, и репрезентации. Для интенциональности самой по себе это проще, - достаточно внимательно проанализировать, как это понятие обосновывалось у его главных теоретиков, прежде всего, у Гуссерля. Что касается репрезентации, то всякий, кто всерьез задумается о возможности ее обоснования, рано или поздно встанет перед проблемой, что, исходя из существующих в «школьной» теории познания предпосылок, этого сделать невозможно. Выполнению этого намерения противостоит могущественная традиция, которая оказала влияние на развитие всей философии двадцатого века. Речь идет о традиции Декарта – Канта – Гуссерля, которая, по нашему мнению, оказала наибольшее воздействие на развитие всей новейшей теории познания.

Во второй главе критическому анализу подвергаются гносеологические основы существующих подходов к трактовке репрезентации, осуществляется поиск ее онтологических оснований и определение места и роли в структуре познавательной деятельности. Глава состоит из пяти параграфов: §1 «Репрезентация как вид субъект-объектных отношений»; §2 «Философская рефлексия как гносеологическая основа субъект-объектных отношений в теории познания»; §3 «Онто-гносеологические основания возможности репрезентации»; §4 «Интенциональные модусы репрезентации»; §5 «Роль репрезентации в синтезе познавательной деятельности».

Известно, что Декарт, который решил найти для философии неизблемую опору, увидел ее возможность в самом мышлении. В результате сознание изначально противостояло всему, что не есть оно как надежная опора для познания. В том, что существует во мне, в моем сознании, мы не можем сомневаться, а то, что существует за пределами сознания, ненадежно, сомнительно, в конце концов, недоступно.

Кант, несмотря на свою критику линии Декарта-Лейбница, в теории познания пошел по тропе, проложенной Декартом. Он справедливо усмотрел, что Декарт был непоследователен, ибо, усомнившись во всем, он потом вернул все, что лежало за пределами опыта, для познания субъекта. Поскольку, по мнению Канта, основания знания лежат в сфере самого сознания, то Канту принадлежит заслуга выделения в сознании всего того, что составляет основу для познания. Эта основа лежит в сфере трансцендентального, или данного априори в познании. Любой предмет, попадающий в сознание, уже заранее определен: схвачен в созерцании, схематизирован в способности воображения и подведен под понятие с помощью рассудка. Слабым местом в такой теории оказалось то, что познание нуждается в материале, «hyle», для своих синтезирующих функций. Поскольку объект для субъекта заранее отгорожен стеной рефлексии, которая предписывает видеть в опыте только «явления», а не «вещи-в-себе», то способность получать такую «материю» для сознания

можно считать проблематичной (а то, что познание не целиком, и в форме и в содержании, исходит от субъекта, Кант был убежден). Эту трудность осознавал и сам Кант, что выявилось в его полной переработке для второго издания «Критики чистого разума» главы о трансцендентальной дедукции категорий, т.е. свойства сознания применять свои трансцендентальные способности к предмету, которая (глава) самого Канта не удовлетворяла в первом издании. Основу для рассудочного синтеза он нашел в трансцендентальной апперцепции, которая одна для сознания может открываться не как явление, а как вещь-в-себе. Но тут Кант остановился, - те границы, которые он сам установил для познания, не позволили ему подойти к онтологическому обоснованию существования апперцепции.

Ярче всего тенденции, заложенные у Декарта и Канта, проявились у Гуссерля, поэтому мы и направили наше критическое рассмотрение на его концепцию, и в меньшей степени на кантовскую. У Гуссерля феноменологическая рефлексия стала центральным моментом всего философствования, на ней держится все здание его теории познания. Такой акцент имел двоякий результат. С одной стороны, рефлексия, очистив сознание от всего эмпирического, предоставила возможность для созерцания чистых феноменов, а с другой стороны, навсегда захлопнула дверь сознания перед трансцендентным миром. Несмотря на все преимущества феноменологического метода, в одних только рамках феноменологии представление не может получить своего обоснования. Такое обоснование, как нам кажется, может быть найдено, только если противопоставить традиции Канта-Гуссерля другую изначальную установку для познания, которая бы не разделяла бы субъект и объект в познании непроходимой пропастью.

По нашему мнению, исследование в этом направлении может опираться на онтологическую герменевтику М. Хайдеггера. Хайдеггер не устраняет феноменологическую рефлексия, а обращает ее на свои основания. Он показывает, что «sum» в декартовском «cogito, ergo sum» имеет специфическую природу Dasein. Его особенность

состоит в том, что бытие уже всегда при нем, обладает для него изначальной понятностью. Сущее, по Хайдеггеру, изначально настроено на это понимание, от века открыто для сознания, всегда уже присутствует. С этой точки зрения Хайдеггер реинтерпретирует понятие феноменологической редукции и феноменологии вообще. Феноменология у него становится онтологической герменевтикой. Истинно феноменологический метод, направленный на исследование оснований феномена представления, выявляет, что понятность, открытость бытия впервые обнаруживает себя для сознания в представлении.

Когда в концепции Хайдеггера была обоснована идея об открытости бытия для сознания, то тем самым появился фундамент для обоснования возможности представления. Нами был установлен *дефинитивный признак* представления - *трансцендирование*. Мы также выявили, что познавательные акты, в которых осуществляется представление, принадлежат сфере чувственного созерцания: *восприятие, воспоминание, фантазия*.

Поскольку, на наш взгляд, Хайдеггер не устраняет трансцендентальную философию, а переносит ее на новую, более глубокую почву, то, по нашему мнению, представление, образуя основу для познания, само получает определение со стороны трансцендентальной сферы сознания. Хайдеггер часто говорит об открытости сущего. Эта открытость, однако, на самом деле, столько же открывает, сколько и скрывает. Познание бытия в его несокрытости (алетейя) не осуществляется в самом представлении. Но, чтобы познать сущее в его несокрытости, необходима изначальная открытость, в которой бы это сущее подавало, или представляло себя для познания. Именно в представлении и открывается такая возможность. Представление впервые открывает для познания объект, постоянно дает ему его *hyle*, материю, к которой бы оно могло примениться. Представление в синтезе со смыслодающей интенцией восстанавливает, на наш взгляд, основу для трансцендентального (а, значит, и философского по смыслу) познания, которое в представлении получает свой предмет.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Учение о схематизме в трансцендентальной аналитике Канта // Поволжский журнал по философии и социальным наукам. №4 1999 г.

<http://www.ssu.samara.ru/research/philosophy/frame.asp?journal=4>

2. Дискурс и власть // Социальная стратификация переходного общества. Материалы межвузовской конференции молодых ученых. Казань: издательство КГТУ, 1999, с. 88-90.

3. Интенциональный подход в философии языка // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции. – Великий Новгород: издательство НовГУ, 2000, с. 138.

4. Прагматический поворот философской антропологии начала 20-го века // Философская антропология: предмет, содержание и функциональная направленность. Материалы межвузовской научной конференции. Казань: издательство КГУ, 2001, с. 88.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Kafin' or similar, written in a cursive style.

Тир.100

Подписано в печать 20.11.2001

Зак.189-2001

Лаборатория офсетной печати Казгоспедуниверситета
420015 г. Казань, ул. Пушкина, 31.

Подписано в печать 20.11.2001

Тир.100

Зак.190-2001

Лаборатория офсетной печати Киевского университета
420013 г. Киев, ул. Пушкина, 31.

9-